

конструктивно, если имеет своим основанием духовные истины о человеке. Признание духовных основ образовательной деятельности оборачивается и пониманием личностных начал в самом осуществлении педагогического процесса, стремлением к простому, не обременённому ничем иным, не отдаляющего учителя от ученика общению. Только такое общение позволяет транслировать и усваивать истины не в сфере отвлеченного рассудка, а «от сердца к сердцу» – формировать целостную личность, обладающую полнотой нравственного самосознания и опыта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беленчук Л.Н. Нравственное воспитание в общественно-педагогической деятельности О. Иоанна Кронштадтского // Историко-педагогические чтения. – 2019. – № 23. – С. 315-319.
2. Зоитакис А. Традиционное просветительство в Греции в XVIII веке: Косма Этолийский и Никодим Святогорец. – М.: Святая гора, 2008. – 287 с.
3. Св. прав. Иоанн Кронштадский. Моя жизнь во Христе. – М.: Благовест, 01. – 800 с.
4. Шестун Е. Православная педагогика. – Самара: ЗАО «Самарский информационный концерн», 1998. – 576 с.

М. А. ГАРВАРДТ

Санкт-Петербург, СПбГУ

ЗНАЧЕНИЕ ЭВФЕМИЗАЦИИ ТЕМЫ ВОЙНЫ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ

Аннотация. Отдельные темы в публичной речи и общественном сознании принято обходить, а при невозможности – умалчивать ключевые понятия, заменяя их эвфемизмами. Эвфемизация темы войны в общественно-политическом сознания является признаком кризиса этического сознания.

Ключевые слова: эвфемизмы, политическое сознание, постправда, моральная оценка.

M. GARVARDT

THE VALUE OF EFFEMINACY THE THEME OF WAR IN THE PUBLIC CONSCIOUSNESS

Abstract. It is customary to avoid certain topics in public speech and public consciousness, and if it is not possible, to keep silent on key concepts, replacing them with euphemisms. The euphemization of the theme of war in the socio-political consciousness is a sign of the crisis of ethical consciousness.

Keywords: Euphemisms, political consciousness, post-truth, moral evaluation.

Эвфемия представляет собой использование словесных зашифровок с целью смягчить и (или) завуалировать предмет сообщения, оставив все-таки любому носителю языка возможность догадаться, о чем идет речь. Поэтому она является одним из средств выражения семантики умолчания [2, с. 253]. Различные группы лексико-семантических эвфемизмов были рассмотрены в работах Л. А. Булаховского (1953), С. Видлак (1967), А. М. Кацева (1988), А. А. Реформаторского (1996), Ж. Ж. Варбот (1998), А. В. Барина (2003), Л. П. Крысина (2004) [там же]. Наиболее распространенными объектами эвфемизации лингвисты считают темы сверхъестественных и религиозных сил, смерти, болезней, физических и умственных недостатков, тела человека и отдельных его частей, физиологических процессов, отношений между полами, беременности и родов, употребления алкоголя и наркотиков, проступков и преступлений. Но наиболее интенсивно, по мнению лингвистов, процессы эвфемизации протекают в сфере общественно-политических отношений [2, с. 259].

Наше внимание в настоящем обращении к теме направлено на исследование оснований эвфемизации, пожалуй, наиболее сложной и актуальной темы общественно-политической жизни – темы войны и военных действий.

Актуальность выбранной темы обуславливается двумя факторами: во-первых, исторически. В мае этого года исторически завершается Вторая Мировая война. 75 лет – это статистически три поколения. В жизнь вступает третье послевоенное поколение, для которого война – далекое прошлое. С одной стороны, это означает необходимость выработки новых норм и правил международных отношений. Устав ООН прямо и откровенно строится на интерпретации и оценке результатов именно двух мировых войн. Так что нынешнее мироустройство – результат завершившейся войны. Исторически это означает устаревание и того мироустройства, которое стало результатом завершившейся войны. Исторический опыт пока не дает нам примеров, в которых новое мироустройство формировалось бы без применения военной силы. В геополитическом разрезе этот же тезис выражается в признании того факта, что и Устав ООН, и вся конфигурация международных договоров на основе этого Устава отражает биполярную геополитическую структуру мира. В настоящее же время мир становится полиполярным при стремлении одного субъекта сделать его монополярным.

При этом в моральном сознании большинства война была и остается крайне негативным явлением. Дело не только в памяти поколений об ужасах войны, но и в невозможности для обывателя оценить государственные интересы, защищающиеся в ходе войны, поскольку сплочение народа в связи с внешней угрозой выше частных жизней и их безопасного протекания.

Во-вторых, актуальность выбранной темы определяется непрерывно растущим числом и напряжением локальных военных конфликтов. В информационно-публичном, масс-медийном измерении этот фактор как раз и нашел свое выражение в росте числа эвфемизмов, выражающих как сами военные действия, так и различное отношение к ним.

В эвфемизации отношения к войне в современном социально-политическом словаре явно проявляется то же отношение, что и к некоторым заболеваниям: не упоминать невозможно, а упоминать неприлично. Война, как естественный способ защиты государством своих суверенных интересов почти официально табуирована, но государства с необходимостью эти интересы защищают.

На настоящий момент мы в состоянии выделить две принципиальные посылки, определяющие смысл и характер эвфемизации военно-политической тематики в масс-медийном и публично-общественном пространстве. Первая посылка кроется в структуре современного международного права, которое до сих пор никак не раскрывает два важных момента: пределы и формы необходимой самообороны [3, ст. 51] и применение негосударственных субъектов (аутсорсеров) применения силы в международных отношениях.

Урегулировать вопрос пределов и форм необходимой обороны в рамках международного права – задача объективно непростая. Дело тут в том, что основными элементами структуры международного права являются конвенции и обычное право. Но конвенции слабо работают в регулировании отношений между суверенами, каждый из которых вправе разорвать любую конвенцию, если она противоречит его суверенным интересам. Обычное же право подразумевает, что «... вооруженный ответ государства в рамках права на самооборону должен оставаться соразмерным и надлежащим образом адаптированным к характеру нападения» [1, с. 153]. Сложность заключается в том, что определяет эту соразмерность и адаптацию сам суверен, принимающий решение о самообороне.

Еще большую сложность в урегулировании составляет распространение так называемой «доктрины Буша», т. е. концепции превентивной самообороны. Заметим, Институт Международного права недвусмысленно высказался против существования в международном праве самого понятия *превентивной самообороны* т. е. при отсутствии реального или очевидно неизбежного вооруженного нападения [там же]. Этот отказ прямо следует из принципов обычного права и

здорового смысла, но столь же прямо и непосредственно противоречит стремлениям мировых держав реализовать свои суверенные или групповые интересы без оглядок на права и интересы других субъектов международных отношений.

В этих условиях эвфемизация как самой информации о примерах применения военной силы, так и выражение отношения к этим примерам, особенно – в зависимости от собственной заинтересованности в результатах разрешения вооруженного конфликта, становится, очевидно, неизбежным инструментом смягчения контрастов и искажения конфигураций.

Негосударственные субъекты применения силы могут быть так же разделены на две группы: во-первых, это «аутсорсеры», т. е. в первую очередь ЧВК и подобные им организации. Во вторую группу попадают всевозможные незаконные вооруженные формирования, вооруженные отряды и структуры непризнанных и псевдогосударственных образований. Так 40-я общевойсковая армия официально именуется «ограниченным контингентом», а ее действия в Афганистане – «интернациональной помощью афганскому народу». Участие США в той же внутриафганской войне именуются как «зарубежная помощь афганским моджахедам». В то же время США называют советское присутствие в Афганистане «советской оккупацией», а собственные аналогичные действия «военным присутствием США».

Примечательным является, на наш взгляд, пример эвфемизации военных действий в Южной Осетии летом 2008 года. С точки зрения оценки применяемых сил – это полноценная, хотя и краткосрочная война: системы залпового огня, авиация, тяжелое наземное вооружение, морской флот. Но даже нейтральный источник именует эту войну «вооруженный конфликт в Южной Осетии». Стороны же именуют ее как «операцию по принуждению к миру» (суперэвфемизм!) и «войну за восстановление территориальной целостности». При этом стороны принципиально не обращают внимания на то, что любая война представляет собой принуждение противника к миру, на условиях, которые ему не нравятся. С другой стороны, Южная Осетия входила в состав не Грузии (Georgia) а Грузинской ССР, законодательство которой, как и Конституцию СССР, Грузия официально денонсировала еще в 1992 году. Поскольку международное право допускает военные действия в ответ на агрессию, следовательно, такими эти действия и представляются с целью их оправдания в общественном сознании.

Участие ЧВК и подобных им силовых структур в военных конфликтах чаще всего либо вовсе не упоминается, растворяясь в обезличенной фразе «различные вооруженные формирования», либо включается в качестве составляющей в число реальных участников конфликта как «отряды» (Ан-нусра, местное ополчение, милиция и т. п.)

Здесь эвфемизмы играют роль «дымовой завесы» именно политико-дипломатического плана. Рядовому обывателю эти эвфемизмы не всегда знакомы, но для специалиста «знающего язык» представляют открытую книгу. Но, так как к подобного рода «аутсорсингу» прибегают практически все ведущие мировые державы, то и данные эвфемизмы по умолчанию становятся признаком *новой политической этики*. Поскольку, как правило, такие организации имеют в своем распоряжении только легкое вооружение индивидуального применения, что не влечет массового поражения некомбатантов, то скрывать их действия от широкого медийного освещения, как правило, так же удается. В случаях же проявления членами этих организаций запредельной агрессии или допущении ими значительных сторонних жертв работает юридический принцип «эксцесс исполнителя», т. е. персональная, но не государственная ответственность. Такой формат применения силы «как бы вне суверенитета» становится допустимым именно потому, что он (формат) никак не урегулирован в международном праве, не запрещен никакими договорами, протоколами и конвенциями.

Другим примером подобного рода применения вооруженной силы негосударственными субъектами являются реальные без «как бы» акторы вне суверенитета. В различных условиях и обстоятельствах такие участники боевых действий именуется одной стороной как «повстанцы», «освободительная армия», «шиитское ополчение», «народная милиция». С другой стороны «бандформирования», «террористы», «моджахеды» и т. п. При этом нейтральное, юридически и логически оправданное понятие «незаконные вооруженные формирования» применяется только в том случае, если с противоположной стороны имеют место исключительно законные формирования, действующие от имени легитимного правительства. Здесь эвфемизация строится в зависимости от отношения к данным формированиям и образованиям. Сторонники этих сил стремятся всячески подчеркнуть их легитимный или достойный легитимации характер. Противники же, не пользуясь эвфемизмами, подчеркивают их противоправную сущность и агрессивный характер их деятельности.

Характерно, что Институт Международного права постоянно уклоняется от признания действия такого рода против суверенного государства актами агрессии, подпадающими под статью 51 Устава ООН [3, с. 155].

Вторая принципиальная посылка, определяющая характер эвфемизации уже именно и непосредственно масс-медийного пространства, связана с известным феноменом пост-правды, т. е. такого положения дел, в котором, с одной стороны, генерация и распространение информации предусматривает не информирование реципиента об объективных сторонах действительности, а формирование у него заведомо определенного отношения к ней. С другой стороны, и сам

реципиент (получатель информации) стремится получать не объективную информацию о реальности, а только такую, которая уже соответствует его предвзятому отношению к этой реальности.

В этом случае на замену официальным и оценочно нейтральным понятиям приходят «партизанские действия», «антитеррористические операции», «мировотворческие усилия». Субъекты же военных действий так же в зависимости от заданного модуса восприятия фигурируют «сепаратисты», «нацисты», «патриотические силы», и т. п. Наиболее характерным нам кажется применяемый в качестве эвфемизма термин «политический режим». Характерность тут в том, что сам по себе данный термин эвфемизмом не является, но в контексте освещения вооруженного вмешательства в политику суверенных государств, по нашим наблюдениям, никогда не применяется в своем прямом значении. Его применяют там, где имеется задача представить смену неуютной политической элиты сменой «антинародного» (и т. п.) режима. Здесь эвфемизмы выполняют функцию нейролингвистического программирования с позиции подачи пост-правды и своеобразной лингвистической ширмы для реципиента, не желающего слышать то, чего он слышать не хочет.

В целом мы можем говорить о том, что эвфемизация военно-политической лексики в СМИ используется для нивелирования негативных моральных оценок войны, в ситуации, когда государству эта война необходима, либо для демонизации политического противника в условиях информационной войны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонов В. Право на самооборону в современном международном праве // Закон и право. – 2018. – № 07. – С. 150-156.
2. Бейсембаева С.Т. Немецкие эвфемизмы как средство выражения семантики умолчания // Научное сообщество этнических немцев в Средней Азии и России: Современное состояние и перспективы: Материалы Международной научно-методической конференции, 23-24 октября 2008 г. – Караганда: Арко, 2008. – С.253-262. ISBN 978-601-204-016-6
3. Устав Организации Объединенных Наций (Сан-Франциско, 26 июня 1945 года) // Консультант-плюс [Электронный ресурс] / URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121087/ (Дата обращения 20.01.2020).